

МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФИЛОСОФИИ НЕБЫТИЯ*

Аннотация: Рассматривается первичное мифологическое ощущение и осознание небытия и ничто. Высказывается предположение о типологической связи древнего мифопоэтического нигилизма и «воли к ничто» поздней философской мысли.

Ключевые слова: небытие, пустота, ничто, миф.

Древнее мышление, находящееся в начале формирования жестких схем причинно-следственных связей и дуальных оппозиций, сталкивается непосредственно с бесконечностью и неопределенностью не только реальности, но, что важнее, смыслового пространства. Архаическое мировоззрение включает невидимое, неосознанное, непознаваемое в корпус первичных, исходных сущностей, усматривая в них истинный источник бытия. О многих предельных понятиях, в частности о первооснове всего сущего – пустоте, древнее сознание повествует в мифологических сюжетах, образах, символах.

Пустота в древнем мировоззрении воспринимается как абсолютное начало всего, «свернутая вселенная», которая разворачивается формами бытия вследствие импульса (желания, напряжения, взрыва и т. п.) Принимая за точку отсчета мифопоэтические представления о небытии, мы тотчас обнаруживаем недостатки и неясности рационалистических определений пустоты как отсутствия или свойства чего-то бытийствующего. Рационалистическая парадигма в нигитологии [1] обладает явной содержательной бедностью, которую можно объяснить несопадением инструмента и материала исследования. Многие мифопоэтические утверждения о пустоте не находят своего эквивалента в научных исследованиях [2], не могут быть переведены на язык теории. Физика работает с вакуумом, логика с отсутствием, онтология (а теперь точнее нужно выражаться – нигитология) с небытием. Роберт Антон Уилсон в «Квантовой психологии» пишет: «Многие исследователи в последние годы самым настоятельным образом советуют повнимательнее присмотреться к вакууму. То есть к космической пустоте, которая окружает все небесные тела. Эта пустота, как казалось ещё совсем недавно, может оказаться, вовсе не так пуста» [3, 23].

Рациональное сознание или не приемлет небытие, или признает за ним элементарное унич-

тожение, эсхатологический итог, конец света. Но всё это – лишь аспекты, наиболее нейтральные и семантически бедные части той пустоты, которую знала мифоритуальная традиция, в которой даже при очень слабом приближении обнаруживается три модуса небытия: «до-бытие» (великое ничто до сотворения), «пост-бытие» (страшное и негативное ничто после конца света) и «ино-бытие» (постоянно присутствующее ничто, обуславливающее полноту бытия). Темы небытия как первичности и небытия как результата разрушения/исчезновения практически универсальны, к ним, видимо, применима характеристика «архетипические». Сравнивая архетип с руслом пересохшей реки, К. Г. Юнг утверждал его неуничтожимость; архетип лишь другим содержанием наполняется, но форма и траектория «русла» остаются неизменными.

Самые частотные мифологические упоминания о небытии возникают в ситуации пред-Творения, пред-Начала, где небытие становится продуцирующим. Начальной категорией космогонии и исходным состоянием мифологической Вселенной был образ неупорядоченной субстанции, соотносимой в мифах с бездной, пустотой, океаном, бесконечным пространством, мглой, мраком, водой. Перед нами парадокс архаического мышления: абсолютная непроявленность обретает образ, то есть она проявляется. Это ключевое противоречие мышления о небытии в любую культурную эпоху. В мифах этот конфликт решается различными способами. Например, согласно полинезийской мифологии, во «время оно» существовало По, символизирующее изначальное «Ничто», постепенно преобразовавшееся в ходе космогонического процесса во Вселенную [4, 98]. Преобразование реальности небытия в реальность бытия становится, на наш взгляд, условием тождества бытия и сознания.

В древнеиндийской космогонии разговор начинается с характеристики исходного состояния мира, когда еще не было ни сущего («сат»), ни не-сущего («асат»), когда вообще ничего не было, когда темнота была покрыта темнотой, а зародившиеся из мироздающего начала – теплотой («тапас») [5, 72]. Единое было покрыто пустотой. Это состояние можно охарактеризовать как Великое Небытие мира. Ответ на вопрос, из чего все возникло, заканчивается неопределенностью – снова вопросом. Тем не менее в «Ригведе» говорится о том, что привело к рождению мироздания, о первом шаге, с которого стало возникать сущее, бытие: это желание, ставшее первым семенем

* © Саенко Н.Р.

мысли – духовной, идеальной реальности. Описание дальнейшего процесса становления мира дает первое собственно «философское» произведение Древней Индии – Упанишады. В соответствии с Упанишадами, развертывание мироздания связано с Брахманом (или Атманом, реже – Пурушей) – божеством, духовным началом мира, первопричиной и первоосновой бытия. Брахман – высшая форма непознаваемого, безличного Принципа Вселенной, из его Потенции исходит все сущее и затем возвращается в его вечную и нематериальную сущность.

Сам Брахман возник из Золотого зародыша в яйце, которое он расколол. А Золотое яйцо породил огонь, который, в свою очередь, рожден водами. Воды возникли из Великого неопределенного Небытия первыми. «Поистине вначале это было не-сущим; Из него поистине возникло сущее» [5, 81].

Каждый временной период эволюции мира получает свое название: время проявления вселенной, время ее бытия называется Веком Браммы (Брахмы) или Великой Манвантарой, а время исчезновения Вселенной, ее небытия – Маха Пралайей, т. е. великим растворением мира. Век Браммы складывается из стократной череды суток Браммы – сменяющих друг друга «Дня Браммы» (Малая Манвантара) и «Ночи Браммы» (Малая Пралайя). Длительность Дня Браммы, состоящего из тысячи периодов в четыре эпохи («юги»), когда Вселенная «бодрствует», составляет четыре миллиона триста двадцать тысяч земных человеческих лет. Столько же длится и Ночь Браммы, когда все «спит», – это относительное небытие мира. Брахма не вечен. Когда заканчивается Век Браммы (311 триллионов и 40 биллионов земных лет), он умирает. Тогда происходит великое уничтожение мира. Затем Брахма рождается снова, и все повторяется без начала и конца.

Более рационалистическую попытку анализа категории небытия находим в древнеиндийской философии вайшешика, в которой различается относительное небытие – отсутствие чего-либо в другом, и абсолютное небытие – отличие одной вещи от другой. Относительное небытие выступает как несуществование до возникновения и после уничтожения, абсолютное – как отсутствие связи между двумя вещами.

Буддистское учение начинается с моралистических размышлений о суетности всех человеческих устремлений, чтобы прийти к онтологическим решениям о пустоте. В Великой Колеснице (Махаяна) тема пустого, шуньи, занимает центральное место: нет ничего, кроме пустого, в том смысле, что реальность следует искать не в субстанциях, а только в отношениях. Шунья – не-уничтожимая субстанция. В пустоте, не имея по-

мех в виде каких-либо установок ума, все становится самим собой, проявляет свою природу. Три принципа Шуньи: все вещи пусты, бессущностны; все вещи временны; все вещи являют собой синтез пустоты и временности.

В китайской мифологии Тайцзи (то есть «высшее начало», «великий предел») – исходная точка возникновения всего многообразия вещей – существовал до разделения неба и земли, когда первоначальная жизненная энергия находилась в смешанном состоянии и была великим «всепорождающим единством» (Тайи).

В даосизме Коре (исходное понятие) – многогранное пространство, абсолютная пустота. Она же – источник всего происхождения, всеобщий мировой закон существования-несуществования материального «ци» в пустоте, ибо пустота – «телесность изначального «ци»». Все сущее не может расплыться и не создавать великую пустоту, которая находится в постоянном круговороте. Великая пустота не может не содержать изначального «ци». Источником сущего в даосизме признается полнота непроявленного мира, Небытие, неявленное, ибо все явленное временно, частично. «Все вещи в Поднебесной рождаются из Бытия, а Бытие рождается из Небытия... Ибо бытие и небытие друг друга порождают, трудное и легкое друг друга создают, короткое и длинное друг другом измеряются, высокое и низкое друг к другу тянутся, звуки и голоса друг другу вторят, «до» и «после» друг за другом следуют. Вот почему мудрец действует недеянием и учит молчанием» [6, 272]. Переводчик «Дао Дэ Цзин» А. Кувшинов дает следующий комментарий: «Мир вещей или мир форм – это мир бытия (присутствия, «ю»). Он характеризуется тем, что здесь существуют «отдельные вещи», а стало быть, и существует индивидуальная сила Дэ. Мир вне разделений и различий – это мир небытия (отсутствия, «у»), где существует только извечная, внеличностная сила Дэ» [7, 85].

Небытие отождествлялось с безымянным «Дао» (ибо, назвав что-то, мы награждаем его бытием), которое имело лишь отрицательные характеристики бестелесности, туманности и пустоты. Наиболее значимым для нас является то, что трактат «Даодэцзин» начинается так: «Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное дао... Безымянное есть начало неба и земли, обладающее именем – мать всех вещей» [6, 115]. И далее: «Смотрю на него и не вижу, а потому называю его невидимым. Слушаю его и не слышу, поэтому называю его неслышимым. Пытаюсь схватить его и не достигаю, поэтому называю его мельчайшим. Не надо стремиться узнать об источнике этого...» [7, 72]

Дао как основу мира можно считать неопределенным и в онтологическом, и в гносеоло-

гическом плане, так как оно отождествляется то с нематериальным и недуховным небытием, неисчерпаемой пустотой, то с исходным неопределяемым началом, ни назвать, ни воспринять которое человек не в силах. Трактовка Дао и в «Книге о Пути и Силе», и в даосизме в целом неоднозначна: у основоположника даосизма Лао-Цзы Дао главным образом определяется с материалистических позиций как естественный путь вещей, в позднем даосизме Дао – это «небесная воля» или «чистое небытие». «Превращение невидимого [дао] бесконечны. [Дао] – глубочайшие врата рождения. Глубочайшие врата рождения – корень неба и земли. [Оно] существует [вечно] подобно нескончаемой нити, и его действие неисчерпаемо» [6, 116].

Характеристика, даваемая Лао-Цзы относительно Дао, позволяет представить его как незримое великое первоначало, обладающее признаками Небытия, которому подчиняется все сущее. Основу мира Лао-Цзы определяет как единое, с которого все начинается и к которому все возвращается. И это единое – небытие. Лао-Цзы говорит: «Великая полнота похожа на пустоту, но ее действие неисчерпаемо» [6, 128]. Единое, Дао действует, не изменяясь, отдает, не убывая: «Дао постоянно осуществляет надеяние, однако нет ничего такого, что бы оно не делало» [6, 126]. Дао в качестве небытия составляет основу и как сущность присутствует во всем: «Дао – глубокая [основа] всех вещей» [6, 133]. «Повсюду действует и не имеет преград» [6, 122]. «Небытие проникает везде и всюду» [6, 128].

Небытие, пустота определяет сущность всех вещей – это доказывается следующим образом. «Тридцать спиц соединяются в одной ступице [образуя колесо], но употребление колеса зависит от пустоты между [спицами]. Из глины делают сосуды, но употребление сосудов зависит от пустоты в них. Пробивают двери и окна, чтобы сделать дом, но пользование домом зависит от пустоты в нем. Вот почему полезность [чего-либо] имеющегося зависит от пустоты» [6, 118].

Единое, Дао, небытие – не только исток всего в Поднебесной, но и резервуар, в который все возвращается. «Когда дао находится в мире, [все сущее вливается в него], подобно тому, как горные ручьи текут к рекам и морям» [6, 125]. «[В мире] – большое разнообразие вещей, но [все они] возвращаются к своему началу. Возвращение к началу называется покоем, а покой называется возвращением к сущности» [6, 119].

В скандинавской мифологии фигурирует образ Гинунгагап, «Великой пустоты», в качестве хаоса, предшествовавшего творению мира и людей, вместилища первопотенций, в котором становится возможным последующее возникновение и упорядочивание мира.

Каббалисты понимают бесконечную, неограниченную субстанцию как Эйн-Соф («без конца»), которой нельзя приписать никаких атрибутов: Эйн-Соф в то же время является и принципом, который может быть раскрыт только путём исключения по порядку всех познавательных качеств. То, что остаётся после исключения всех известных явлений, и есть Эйн-Соф, или Великое Отсутствие, заполняло всё, пока не сжалось и не создало абсолютную концентрацию в самом себе, став хаосом, бездной, первоначальным воздухом, азотом. Первоначальное «ничто», в таком понимании – абсолютная концентрация, бесконечная плотность. Однако ни один предмет не обладает бесконечной плотностью, ибо имеет какой-то объём.

В каббале это противоречие объясняется следующим образом: изначальный вакуум, или пустота, не абсолютны. Существовало некое море с прозрачными водами, внутри которого содержался свет. С его помощью и были созданы миры и иерархии. Но и он, как уверяют древние, меркнет перед величием Небытия.

Первичность небытия, ничто – древняя традиция, наиболее развитая в восточных мифологиях и философиях. Древневосточное постижение смысла небытия отличается от западно-рационального понимания небытия как отсутствия чего-либо, и рассматривается как творческая потенция бытия. Смыслы в восточной культуре принадлежат небытию: «Смотри, где все темно, слушай, где все тихо: в темноте увидишь свет, в тишине услышишь гармонию», «Прислушайся к молчанию в себе» [8, 95].

Однако в древнегреческой философии рождается внимание к небытию, правда, высмеиваемое или замалчиваемое, ибо страх перед непроявленным, неоформленным был силен уже в мифологических взглядах. Первой античной формой предфилософии небытия стала мифологическая система Хаос – Аид. В терминологии Н. М. Солодухо Хаос – это «небытие-до-бытия», а Аид соответственно «небытие-после-бытия» [9].

«Хаос» – древнегреческое слово, в его этимологии просматриваются показательные интенции, с греческого оно переводится как «зеваю», «разеваю», то есть обозначает прежде всего развернутое пространство, пустую протяженность, пустоту. Устремления архаического человека в сторону «космоса» – ограничения и упорядочивания – имели мощный противовес в виде интереса-страха, влечения-ужаса к хаосу, бесконечному, безобразному.

Хаос рождается как зияние или пустое пространство между верхом и низом, между небом и твердью земли. Такая изначальность небытия в мифологическом сознании вызывает трепет и поклонение перед божественным Ничто и, да-

лее, является основой эсхатологических легенд о мире, сказаний о Конце света.

Структура мира в древнегреческом мифе — структура хаосокоsmическая. Вернёмся к этимологии слова «хаос», чтобы увидеть, что «зевание/зияние», сочетающее в себе прапространственность и активность, указывает на тот первоначальный, исходный смысл атомистической пустоты, который мы можем обнаружить у пифагорейцев. Таким образом, мифологические корни атомистической пустоты скрываются скорее в традициях хтонической дионисийской Греции, чем в классической Элладе с ее культом предела, формы, завершенности, космоса. Желание детерминировать себя, свой Космос – мир определенного, завершенного, с четко распределенными качествами и функциями различных областей пространства, – относительно неопределенности Хаоса, «безвидного», то есть лишённого всех качеств и любых различий, подталкивает мифосознание к признанию разграниченности мира на сферы бытия и небытия. Хаос выталкивается за границу обжитого мира, о нем не говорят, поскольку о том, в чем нет определенности, нечего сказать. Несмотря на это, Космос может существовать, только благодаря наличию Хаоса – как правое в противоположность левому, как бытие в противоположность небытию, наполненное в противоположность пустому.

По Гесиоду, Хаос принадлежит к первопотенциям наряду с Геей, Тартаром и Эросом. Причем Гесиод дает, с одной стороны, физическую трактовку Хаоса как бесконечного и пустого мирового пространства, с другой – мифологическое понимание: Хаос порождает из себя Эреб (Мрак) и Никту (Ночь), а они, в свою очередь, Эфир и Гемеру (День). Хаос в ряду первопотенции был первым.

У орфиков мифологизированный хаос представляется «страшной бездной», в качестве мирового яйца (где сливаются первоэлементы), порождающего из себя весь мир.

Как отмечает А. Ф. Лосев, из досократиков Акусилаи и Ферекида, следуя концепции Гесиода, началом всякого бытия считали Хаос [10, 583]. Античные философы связывали хаос с первоmaterией, с пространством и временем. Так, Аристотель и Платон трактуют Хаос как физическое место, где находятся физические тела. У Платона Хаос можно отождествить с «всеобъемлющей природой», т. е. материей. Одни стоики давали натуралистическое определение Хаосу как первоэлементу – «влага» или «вода», другие, например, Секст Эмпирик, говорили, что «Хаос есть место, вмещающее в себя целое». У Марка Аврелия Хаос соотносится не с пространством, а со временем и мыслится как беспредельное время, т. е. вечность.

Начиная с Платона, Хаос трактуется как чистая материя, не связанная с реальными свой-

ствами тел. Он выступает как универсальный принцип сплошного и непрерывного, бесконечного и беспредельного становления, – так передает античное понимание хаоса А. Ф. Лосев: «Стали замечать, что в хаосе содержится своего рода единство противоположностей: хаос все раскрывает и все разворачивает, всему дает возможность выйти наружу, но в то же самое время он все поглощает, все нивелирует, все прячет вовнутрь» [11, 584].

Характеристика античного хаоса, данная А. Ф. Лосевым, очень близка к нашему пониманию исходного небытия: «Хаос есть та бездна, в которой разрушается все оформленное и превращается в некоторого рода сплошное и неразличимое становление, в ту «ужасную бездну», где коренятся только первоначальные истоки жизни, но не сама жизнь» [10, 584]. И далее: «Античный хаос всемогущ и безлик, он все оформляет, но сам бесформен. Он – мировое чудовище, сущность которого есть пустота и ничто. Но это такое ничто, которое стало мировым чудовищем, это – бесконечность и нуль одновременно. Все элементы слиты в одно нераздельное целое...» [10, 584].

Античный хаос – вовсе не отсутствие вещей, а такое состояние бытия, в котором отдельное перестает заявлять о себе, растворяясь во всем. Платон, очевидно, считал хаос неформенной первоmaterией, и его хора весьма близка подобному пониманию хаоса. Корень слова «хаос» имеет также смысловой оттенок напряженного внимания («смотреть, ожидая», «искать взглядом», «зевать» по сторонам), а также лишённости и недостатка, бедности и нужды. Но Хаос явно обладает существованием и активностью, хотя характеристики его бедны. Первоначальная его пустота была связана с бескачественностью, а точнее, с невозможностью отличить его компоненты друг от друга, гомогенностью, но затем ему приписываются другие качества, полностью вытекающие из этого первого определения. Так он становится бескрайним, ибо форма и границы присущи только бытию. Эта бесконечность, разомкнутость может также трактоваться, как потенциальная возможность включить все в себя, то есть бесконечное количество вариантов развития и безразличие ко всем им равно.

Древнегреческая мифология содержит также образ «небытие-после бытия» – Аид. Данный мифологический мотив более конкретно выражен, так как имеет отношение к судьбе каждого человека, а не к характеристикам мира вообще, как было с Хаосом. Этимология слова Аид: от греч. *aides*, означает «безвидный», «невидимый», «ужасный». В греческой мифологии Аид – бог царства мертвых и само это царство. Гомер называл Аида «щедрым» и «гостеприимным», т. к. он принимал к себе всех смертных. Владения Аида не мог минуть ни один человек, каждый неизбежно должен

однажды спуститься в царство мертвых. Отсюда характеристики Аида – его невидимость и бесчисленность. Аида именуют Плутоном, что значит «богатый», т. к. в его власти огромное количество человеческих душ и необъятные богатства, скрытые от глаз живых в подземном царстве. И сам Аид невидим, т. к. является обладателем волшебного шлема, которым смогли воспользоваться богиня Афина и мифический герой Персей, сразившийся с Горгоной.

Противоборство бытия с небытием находит выражение в греческой мифологии в форме поединка Геракла с Аидом. Если Аид олицетворяет смерть и ужас небытия, то Геракл представляет жизненные силы бытия. Согласно легенде, в борьбе побеждает Геракл, ранив Аида, но Аид все равно внушает ужас своей неотвратимостью, а значит победа бытия над небытием носит временный характер.

Из царства мертвых никто и ничто не возвращается, поэтому владения невидимого Аида постоянно возрастают. В конечном счете все, что было рождено бездной Хаоса, попадает в мрачную темницу Аида. В терминологии Н. М. Солодухо то, что пришло из мира небытия-до-бытия переходит в конечном счете в мир небытия-после-бытия [9].

Греческая наука в большей мере склонна доверять видимому миру, опираться на эмпирический опыт. Мифопоэтические образы и атрибуты хаоса сменяются философскими попытками вывести мышление из круга, в котором оно оказывается при попытке выбрать своим предметом небытие и пустоту. В философской поэме Парменида «О природе» описываются ловушки, в которых может оказаться разум даже на пути истины. Те, кто соглашаются с тем, что «есть небытие и небытие необходимо существует», попадают в первую западню. Для них, названных Парменидом «пустоголовым племенем», неизбежна и вторая ловушка – допущение тождественности или нетождественности бытия и небытия.

Таким образом, по Пармениду, небытие не существует, потому что оно немислимо. Как только небытие становится предметом мысли, оно начинает существовать, а значит, превращается в бытие. Парменид утверждал, что несущее – это лишь отрицание некоего сущего. Так, мы видим, что небытие не только мыслится и номинируется, но и вызывает определенные отношения, которые в свою очередь находят адекватное выражение в философских понятиях и поэтических образах. Заметим здесь же, что, в противоположность парменидовским ловушкам, в древневосточной культуре существовало понятие «паракальпа», означающее заблуждение, порождённое теми, кто не может осознать пустоту.

Характеризуя древнегреческие раннефи-

лософские вариации понимания небытия, мы также должны сказать о теории атомистов. Левкипп удостоился шуточного прозвища «Несуществующий» благодаря признанию им существования небытия: «Бытие существует несколько не более чем небытие». Трактую существование небытия как пустое пространство, Левкипп и Демокрит, описывали первоначала мира – атомы (бытие) и пустоту (небытие). Демокрит считал, что все ощущаемые качества вещей (звуковые, цветовые и др.) возникают из соединения атомов лишь для воспринимающих и не являются таковыми по природе вещей. По свидетельству Секста, он говорил: «Лишь в общем мнении существует сладкое, в мнении – горькое, в мнении – теплое, в мнении – цвет, в действительности же существуют только атомы и пустота» [11, 198]. Атомисты поставили небытие в один ряд с бытием и свели к физической пустоте, то есть как бы подменили субстанцию модусом.

Платон отождествлял небытие с вневременным миром. Кроме того, этому философу приписывают мыслительный парадокс, который назван «борода Платона»: небытие в некотором смысле должно быть, в противном случае оно есть то, чего нет. Некоторые места «Софиста» Платон посвятил проблеме слова и мысли, вызываемым для бытия небытием. В. В. Библихин пересказывает их: «Мысль – это слово, будь то говорящее молчание, когда мысль разбирается в самой себе, высказывание или именование. До произнесения слышимых звуков, до определения значений, когда мысль еще не знает, что есть она, она уже говорит неслышимое *есть* или *нет*. Раньше явной речи совершается исподволь утверждение и отрицание бытия и небытия. Ранние да и нет предшествуют всему настолько, что если бы мысль задумала увидеть и назвать что-то еще более раннее, она все равно начала бы своей первой речью, именованием сущего и ничто. Как бы глубоко человек ни заглянул в себя, он видит речь, язык, ответ да и нет на вызов бытия и небытия» [12, 7 – 8]. Платон увидел в ничто «всеприемлющую природу», то невидимое и неосознаваемое, лишенное всяких физических качеств начало, которое нельзя даже назвать, наречь каким-либо именем.

По Аристотелю пустота возможна лишь в смысле причины движения. Аристотель отрицает существование небытия. Его существование запрещено основным законом бытия. Но в относительном смысле у Аристотеля небытие все же существует. Он признает, что в трех смыслах может идти речь о небытии. Так, первый смысл допущения небытия Аристотель связывает с категориями. Небытие не существует само по себе, оно в относительном смысле существует в некоторых категориях (например, не-белый, нигде, никогда и т. п.), но не в сущности – сущности ничто не проти-

воположно. Второй смысл пустоты, по Аристотелю, – потенциальность полноты, третий – лишенность.

Согласно Плотину, первой субстанцией, стоящей выше бытия и мышления, служит абсолютное Первоначало, называемое Единым (Первоединым). Мир проистекает из Единого по “закону убывающего совершенства” (Целлер), изливаясь из божественной полноты подобно солнечному свету, – мир есть божественная эманация. Единое производит Ум – высшее бытие, а Ум производит Мировую Душу. Мировая Душа изливается природой – неподлинным бытием, самым низшим звеном этой цепи.

Нельзя сказать, что сам Плотин, противопоставляя Первоединое бытию Ума, бытию Души и неподлинному бытию вселенной и живых существ, определяет это первое начало как Небытие, или Ничто, однако от бытия и сущего он его отличает, как то, что «выше и субстанции, и самобытности», «не есть благо», «но есть сверхблаго», больше, чем ум и Бог, «выше даже сущего», выше всякого бытия.

На наш взгляд, в становлении описанных противоположных позиций греческой философии принципиальную роль сыграло наличие в греческой лингвокультуре двух способов выражения отрицания** (формальное утверждение несуществования, чистое не) и** (не-определенность, неопределенность с оттенком «уже не» или «еще не»).

Отношение к небытию рождалось, таким образом, в непрекращаемых спорах и в постановке вопросов, ответов на которые нет. В одном случае ничто внушало ужас, как абсолютный конец, исчезновение, как страшная бездна, в которой все исчезает. В лучшем варианте – это инертная материя. В другом случае небытие – это потенциал, первопричина и источник всего.

В мифах пустота обрамляет мир: она его начинает и заканчивает, более того – сиюминутный, профанный, мир в мифе взвешен над священной вечной бездной, пустотой.

Мифопоэтическое сознание сформировало основные модели понимания небытия, используемые в метафизике, логике и онтологии в поздних культурах.

Влияние древневосточных мифологических представлений особенно заметно в неклассической и постнеклассической онтологии и философии культуры. В работах М. Хайдеггера, например, обнаруживаем саморефлексию по этому поводу: «Японец: Конечно. Поэтому лекцию “Что такое метафизика?” мы в Японии поняли сразу, как только она дошла до нас через перевод, на который отваялся японский студент, который тогда у Вас учился. Еще и сейчас мы удивляемся, как европейцы могли впасть в нигилистическое истолкование

разбиравшегося в той лекции Ничто. Для нас пустота – высшее имя для того, что Вы скорее всего назвали бы словом “бытие”...» [13, 274] При этом мы далеки от заявления о прямых заимствованиях М. Хайдеггером положений и концепций восточной мысли, мы предпочитаем говорить о внешне сходном направлении мышления и вопрошания, использовании внешне похожих оборотов, речевых средств, нежели о заимствованиях в прямом смысле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Термин заимствован: Кутырёв В. А. Оправдание бытия (Явление нигитологии и его критика) // Вопросы философии. 2000. № 5. – С. 15–33.
2. Хотя сегодня появляются позиции ученых, объединяющие квантовую физику, философию и метафизику. См., например: Шарипов М. Р. Философские основания понятия пустоты (пустое множество) // Академия Тринитаризма. – М.: Эл № 77–6567, публ.12285, 22.07.2005. Кроме того, последние научные открытия физики и механики склоняются к тому, что абсолютная пустота, вакуум, эфир есть начало мироздания. Частицы Бозона Хигса – это теория и мифология одновременно. Странным образом «круг замкнулся»: о животворящей силе пустоты говорили древние мифы.
3. Уилсон Р. Квантовая психология. – Киев: Янус, 1998.
4. Луомала К. Голос ветра. Полинезийские мифы и песни. – М.: Наука, 1976.
5. Антология мировой философии: В 4 т. Т.1. Философия древности и средневековья. – М.: Мысль, 1969.
6. Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2-х т. – М.: Прогресс, 1972–1973. – Т. 1.
7. “Дао Дэ Цзин” (Перевод Александра Кувшинова). – Красноярск: Ника, 1998.
8. Григорьева Т. П. Синергетика и Восток (логика небытия) // Вопросы философии. – 1997. – С. 90–102.
9. Солодухо Н. М. Философия небытия. – Казань: Изд-во Казанского гос. техн. ун-та, 2002.
10. Мифологический словарь. Ред. Е. М. Мелетинский. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1992.
11. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии. – М.: Высшая школа, 1981.
12. Бибахин В. В. Язык философии. – М.: Прогресс, 1993.
13. Хайдеггер М. Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика. 1993. С. 273–302.

N. R. Saenko

MIFOPOETICHESKY PREMISES OF PHILOSOPHY OF THE NON-EXISTENCE

Abstract. the primary mythological feel and realisation of a non-existence and anything is considered. The supposition about typological connection ancient mythological nihilism and «will to anything» serotinal philosophical thought is come out.

Key words: non-existence, vacuum, anything, myth.